

Содержание

Счастье из бутылки	7
Ничего, кроме хорошего	18
Вечерний цветок	28
Бешеные деньги	45
Вы опоздали или я слишком рано?	61
Когда падает звезда	67
Весь секрет в мускатном орехе	84
Домик трех медведей	96
Кино горит	104
Дождливая суббота	124
У белок ясные глаза	135
На полпути в ад	143
Всадница на сером коне	152
Происшествие на озере	162
Перестраховка	169
Старая дружба	176
Царевич-лягушонок	188
Сезон туманов	196
Большой потенциал	207
Без посредства Голсуорси	217
Дьявол, Джордж и Роза	224

Ах, университет!	249
До встречи на Рождество	254
Другая американская трагедия	262
Творческое сотрудничество	271
Полночные наваждения	281
Гей О'Лири	288
Если б молодость знала, если б старость могла	302
Придуманный мистер Вельзи	316
Спецзаказ	324
Каната хватает	347
На добрую память	356
Зеленые мысли	362
Романтика жива и приключения ждут	382
Хищная птица	387
Вариации на тему	399
Ночь! Молодость! Париж! И луна!	414
Механическая кошка	421
Спящая красавица	431
Толкование сновидения	453
Мэри	461
В аду нет ярости страшнее	479
Карты правду говорят	486
Невидимая танцовщица со Стретфина	493
В верном направлении	503
О гибкости в искусстве	510
Молодость из Вены	521
Недуг Анджелы Брэдшо	548
Все отменяется	556
Ловец человеков	572

Счастье из бутылки

В мечтах о красивой жизни Фрэнклину Флетчеру представлялись прекрасные женщины и тигровые шкуры. На крайний случай он был готов отказаться от тигровых шкур. К сожалению, прекрасные женщины оказались столь же редки и недоступны. В конторе и в доме, где он снимал жилье, девушки походили на серых мышей, склочных кошек или инфантильных котят — или же невнимательно читали рекламные объявления. Другие ему не встречались. В свои тридцать пять лет он сдался и решил, что надо искать утешения в хобби, пусть это и было весьма неравноценной заменой счастью.

Он прочесывал сомнительные окраины города, разглядывая витрины антикварных магазинчиков и лавок старьевщиков и гадая, что бы ему такое начать коллекционировать. В каком-то убогом переулке он набрел на невзрачную лавчонку, где за пыльным стеклом витрины стоял единственный «экспонат»: модель полностью оснащенного парусника в бутылке. Найдя в корабле некое сходство с собой, Фрэнклин решил зайти внутрь и узнать цену.

Лавка оказалась тесной и полупустой. Вдоль стен располагалось несколько обшарпанных полок с большим количеством бутылок самых разнообразных форм

© Перевод Е. Токарева.

и размеров, в которых находились разные штуковины, интересные лишь тем, что они были помещены внутрь бутылок. Пока Фрэнклин оглядывался по сторонам, в задней стене открылась дверца, и из нее шаркающей походкой вышел владелец заведения, иссохший старичок в бархатной курительной шапочке. Он, казалось, был немало удивлен и обрадован тем, что у него появился покупатель.

Хозяин показал Фрэнклину букеты, райских птиц, диораму битвы при Геттисберге, крохотные японские садики и даже высушенную человеческую голову — и все это в бутылках.

— А что вон там, на нижней полке? — спросил Фрэнклин.

— Так, всякая всячина, — ответил старик. — Многие думают, что это просто мусор. А лично мне они нравятся.

Он вытащил из пыльного полумрака несколько бутылок. В первой, похоже, не было ничего, кроме маленькой дохлой мухи, в других лежали вроде бы лошадиные волосы или соломенные стебельки, а то и вовсе непонятные клочки чего-то неопределяемого. Иные были наполнены серым или переливчатым дымом.

— Тут различные духи, джинны, сивиллы, демоны и все такое прочее. Полагаю, что некоторых из них упрятать в бутылку было гораздо тяжелее, чем парусник, — сказал старик.

— Ой, перестаньте. Мы же в Нью-Йорке.

— Тем более. Именно здесь и можно обнаружить в бутылках самых невероятных джиннов. Секундочку, я вам сейчас покажу. Пробка что-то застряла.

— Вы хотите сказать, что там и вправду джинн? — спросил Фрэнклин. — И вы собираетесь его выпустить?

— Почему бы и нет? — отозвался старик, оставив свои усилия и поднося бутылку к свету. — Вот он... Боже праведный! Да уж, «почему бы и нет»? У меня глаза слабеют. Я чуть не откупорил не ту бутылку. Тут обитает

очень страшный персонаж. Надо же! Хорошо, что пробка не поддалась. Лучше поставить его обратно на полку. Надо запомнить, что он внизу справа. Днями прилеплю на него наклейку. А вот нечто более безобидное.

— Что же там? — поинтересовался Фрэнклин.

— Вроде бы самая красивая девушка на свете, — ответил старик. — Любопытный экземпляр, если вас интересуют такого рода вещи. Лично я не удосужился ее откупорить. Найду вам что-нибудь полюбопытнее.

— Ну, с научной точки зрения, — проговорил Фрэнклин, — я...

— Наука — это не все, — возразил старик. — Вот, взгляните. — Он поднял бутылку с каким-то крохотным, ссохшимся и похожим на насекомое предметом, едва видимым под слоем грязи на стекле. — Приложите-ка к уху, — сказал он.

Фрэнклин послушался. До него долетел тихий свист, в котором он разобрал слова: «Луизианец, Саратога, четыре-пятнадцать, Луизианец, Саратога, четыре-пятнадцать».

— А это что еще такое? — спросил он.

— Это, — ответил старик, — Кумская сивилла. Та самая. Очень интересно. Она теперь по скачкам специализируется.

— И вправду интересно, — согласился Фрэнклин. — И все же мне бы хотелось посмотреть ту, что вы отложили. Я преклоняюсь перед красотой.

— Вы в душе художник, да? Поверьте, на самом деле вам нужен проверенный, надежный и услужливый экземпляр. Например, вот этот. Рекомендую по личному опыту. Очень практичный вариант. Выполнит все желания.

— Ну если это так, — поинтересовался Фрэнклин, — почему же вы не завели себе дворец, тигровые шкуры и все такое прочее?

— У меня все это было, — ответил старик. — Его стараниями. Да, это моя самая первая бутылка. Остальное

сотворил он. Первым делом я заполучил дворец, картины, мраморные лестницы, рабов. И, как вы говорите, тигровые шкуры. Велел ему положить на одну из них Клеопатру.

— И как она вам? — воскликнул Фрэнклин.

— Ничего, — ответил старик, — если вас интересуют такого рода вещи. Мне все наскучило. Я подумал: «Вот бы мне лавочку, чтобы торговать бутылками со всякой всячиной». Так я ему и повелел. Он раздобыл мне сивиллу. Раздобыл того буйного субъекта. Да и все остальное.

— А теперь он в этой бутылке? — спросил Фрэнклин.

— Да, вот он, — ответил старик. — Послушайте сами.

Фрэнклин приложил ухо к бутылке и услышал донельзя жалостный голос, моливший: «Выпустите меня. Выпустите же меня. Пожалуйста, выпустите. Я все сделаю. Только выпустите. Я безобидный. Прошу, выпустите меня. Хоть ненадолго. Я все сделаю. Пожалуйста...»

Фрэнклин взглянул на старика.

— Он и вправду там, — сказал Фрэнклин. — Как миленький.

— Конечно, там, — отозвался старик. — Стал бы я вам продавать пустую бутылку. Вы за кого меня принимаете? Вообще-то я не стал бы вам ее продавать по чисто личным причинам, вот только я держу лавку уже много лет, а вы мой первый покупатель.

Фрэнклин снова поднес бутылку к уху: «Выпустите меня. Выпустите. О, прошу вас, выпустите. Я...»

— Господи! — взволнованно проговорил Фрэнклин. — И он вот так все время?

— Очень может быть, — ответил старик. — Признаться, я его не слушаю. Предпочитаю радио.

— Кажется, ему там нелегко, — сочувственно сказал Фрэнклин.

— Может быть. Похоже, им бутылки не нравятся. А мне вот они по душе. Меня к ним тянет. Вот, например, однажды...

— Скажите-ка, — перебил Фрэнклин, — а он и вправду безвредный?

— О да, — ответил старик. — Разумеется, да. Кое-кто говорит, что джинны коварны — восточная кровь и все такое, — но я подобного за ним не замечал. Раньше я выпускал его полетать: он сотворит, что надо, а потом снова вернется в бутылку. Должен сказать, он очень исполнительен и предупредителен.

— И выполняет любое желание?

— Абсолютно любое.

— И сколько вы за него хотите? — спросил Фрэнклин.

— Ой, не знаю, — замялся старик. — Пожалуй, миллионов десять долларов.

— Слушайте, у меня нет таких денег! Но если уж он так хорош, как вы говорите, может, мы могли бы договориться о рассрочке?

— Не волнуйтесь. Скажем, пять долларов. На самом деле у меня и так уже все есть. Вам завернуть?

Фрэнклин заплатил пять долларов и поспешил домой, держа в руках драгоценную бутылку и до смерти боясь ее разбить. Как только он вошел к себе, то сразу вытащил пробку. Из бутылки вырвалась мощная струя грязного дыма, который тотчас превратился в мощного великана с восточной внешностью, шести футов* ростом, со складками жира, крючковатым носом, объемистым двойным подбородком и зловеще блестящими глазами — вылитый кинопродюсер, только размерами побольше. Фрэнклин, отчаянно соображавший, что бы ему такого повелеть, заказал шашлык, кебаб и рахат-лукум. Кушанья тотчас появились перед ним.

Придя в себя, Фрэнклин отметил, что скромное угощение было превосходного качества и подано на блюдах из чистого золота, с богатой гравировкой и до блеска отполированных. По этим небольшим деталям можно было

* Фут — 30 см. — *Примеч. ред.*

заключить, что Фрэнклину достался первоклассный слуга. Фрэнк ликовал, но внешне не стал выражать восторга.

— Золотые блюда — это очень хорошо, — сказал он. — Однако начнем с самого важного. Мне нужен дворец.

— Слышать — значит повиноваться, — отозвался смуглый слуга.

— Он должен быть больших размеров, — распорядился Фрэнклин, — хорошо расположен, должным образом обставлен, с подходящими картинами, мраморными лестницами, гобеленами и прочим. И побольше тигровых шкур. Они мне очень нравятся.

— Будет исполнено, — ответил раб.

— Я в душе художник, — добавил Фрэнклин, — как заметил твой прежний хозяин. И мой художественный вкус требует присутствия на тигровых шкурах молодых женщин. Блондинок, брюнеток, худеньких, пышных, томных, энергичных. Все должны быть красавицами и не обременены одеждой. Не люблю, когда много одежды, это вульгарно. Уловил?

— Уловил, — ответил джинн.

— Ну, так продемонстрируй.

— Соизвольте лишь на минуту прикрыть глаза, — сказал слуга, — а когда их откроете, то увидите вокруг себя все, о чем повелели.

— Хорошо, — ответил Фрэнклин. — Но только без фокусов, понял?

Он закрыл глаза, как его и просили. Вокруг поднялся негромкий мелодичный гул. Выждав минуту, он снова поднял веки и огляделся. Его глазам предстали арки, колонны, мраморные лестницы и гобелены в роскошнейшем из дворцов, и, куда бы он ни посмотрел, всюду обнаруживалась тигровая шкура с возлежавшей на ней ослепительной красавицей, не обремененной вульгарными одеяниями.

Наш добрый старина Фрэнклин был, мягко говоря, в экстазе. Он бросался туда-сюда, словно пчела в цветочной лавке. Везде его принимали со сладчайшими

улыбками и манящими тайным или явным вожделением взглядами. Тут он видел раскрасневшиеся щеки и потупленные глаза. Там — пылающие страстью лица. Были кокетливо повернутые плечи, но плечи не отвергающие. Протянутые руки, и какие руки! Была скрытая страсть, была страсть торжествующая.

— Должен сказать, — признался Фрэнклин через некоторое время, — что у меня выдался поистине восхитительный день. Я отлично развлекся.

— Тогда позвольте справиться, — спросил подававший ему вечернюю трапезу джинн, — могу ли я удостоиться чести быть вашим дворецким и распорядителем развлечений вместо того, чтобы возвращаться в ту жуткую бутылку?

— Не вижу никаких препятствий, — ответил Фрэнклин. — И вправду кажется несправедливым, после того как ты все это сотворил, вернуть тебя обратно в тесную бутылку. Что ж, будь моим дворецким, но только договоримся — без стука ко мне не входить. И самое главное — без фокусов.

Джинн удалился с подобострастной благодарной улыбкой. А Фрэнклин вскоре вернулся в свой гарем, где провел вечер так же приятно, что и день.

Шли недели, наполненные чудесным времяпрепровождением, и Фрэнклин, повинаясь закону, который не дано изменить никаким джиннам, сделался чересчур избалованным, чуточку пресыщенным, немного склонным к нахождению всяческих поводов для недовольства.

— Все они, — заявил он джинну, — чрезвычайно милы, если тебя интересуют подобные вещи, но полагаю, что их едва ли можно назвать верхом совершенства, иначе бы они мне не надоели. Я ведь тонкий ценитель красоты, и мне по душе лишь самое прекрасное. Убери их отсюда вместе с тигровыми шкурами, оставь лишь одну шкуру.

— Слушаюсь и повинуюсь, — ответил джинн. — Извольте видеть, все сделано.

— А на оставшуюся шкуру, — велел Фрэнклин, — положи саму Клеопатру.

В следующую секунду там появилась Клеопатра, выглядевшая, надо признать, просто великолепно.

— Здравствуйте! — сказала она. — Вот и я, и опять на тигровой шкуре!

— *Опять?* — вскричал Фрэнк, вдруг вспомнив старика-старьевщика. — Убери ее отсюда. И доставь мне Елену Прекрасную.

Через мгновение на шкуре лежала Елена Прекрасная.

— Здравствуйте! — проговорила она. — Вот и я, и опять на тигровой шкуре!

— *Опять?* — заорал Фрэнк. — Черт бы побрал этого старикашку! Убери ее. И давай сюда королеву Гвиневру.

С Гвиневрой повторилось то же самое, как и с мадам Помпадур, леди Гамильтон и всеми знаменитыми красавицами, которых мог вспомнить Фрэнклин.

— Ничего удивительного, — пробормотал он, — что старикашка был весь такой ссохшийся! Старый греховодник! Старый черт! Все удовольствие мне испортил. Может, я и ревнив, но не стану играть вторую скрипку после этого старого уroda. Где же мне найти совершенство, достойное объятий такого ценителя красоты, как я?

— Если соблаговолите задать этот вопрос мне, — произнес джинн, — то осмелюсь вам напомнить, что в лавке была бутылочка, которую мой прежний хозяин так и не откупорил, поскольку я принес ее ему после того, как он потерял интерес к подобным вещам. Тем не менее, по слухам, там содержится красивейшая девушка на свете.

— Ты прав! — вскричал Фрэнк. — Незамедлительно давай сюда эту бутылку.

Через несколько секунд бутылка оказалась перед ним.

— Можешь взять выходной, — бросил Фрэнклин джинну.

— Благодарю вас, — ответил тот. — Отправляюсь в Аравию навестить родственников. Давно их не видел.